

УДК 94; ББК 63.0; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105>

КАК СЕГОДНЯ ИЗУЧАТЬ ФРОНТИРЫ? ДИСКУССИЯ ПО СТАТЬЕ Д. В. СЕНЯ

Является ли концепция фронта убедительной сегодня? Какие в ней есть сильные и слабые стороны?

Майкл Ходарковский: Давайте начнем с начала. Известные библейские слова: «В начале было слово» можно было бы с таким же успехом заменить на: «В начале был фронт». Ведь практически любое общество с самых ранних времен было обществом с размытыми, не точно установленными границами, которые в основном появляются только при возникновении империй и особенно национальных государств. Поэтому фронт — это универсальная категория, ибо все государственные образования начинали с этого. Вопрос только в том, когда эти государства перестают быть фронтными и закрепляются в четко обозначенных границах.

Ирина Петровна Басалаева: Идея начать дискуссию в журнальном формате об одном из, кажется, самых неоднозначных концептов современного социально-исторического знания мне представляется важной и своевременной. Важной — потому что фронтная теория является существенным элементом конструкции постсоветской историографии, а своевременной — ибо, по моим наблюдениям, отечественная теоретизация фронта вошла в экстенсивную фазу.

Что я имею в виду? Острота постановки исследовательских вопросов стала уже достоянием прошлого — «нулевых» годов, когда фронт еще выглядел новаторской методологией. Осторожно замечу, что, возможно, настоящих проблематизаций не случилось и тогда. Некоторое время фронтную концепцию держали если не в центре внимания исторической корпорации, то уж явно в поле этого внимания три вещи: энергичный, в духе теоретической «интервенции» импорт модели в отечественный материал, эффектная рекомпозиция традиционных историографических сюжетов в фронтной оптике и некоторое освежение цехового языка.

Однако к сегодняшнему дню фронтная полемика рутинизировалась: позиции и персоны в целом определены, интеллектуальные ходы более-менее прогнозируемы, топосы взаимного цитирования тяготеют к цикличности. Реального движения не видно. Статью уважаемого Д. В. Сеня на этом фоне рассматриваю как жест, приглашающий исследователей к (условно) совместной работе, которая могла бы такое движение

© И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, В. И. Мильчев, Ю. А. Мизис,
Д. В. Сень, А. Т. Урушадзе, М. Ходарковский, 2020

сделать возможным. Читая предложенный редколлегией материал, я думала о трех сюжетах, которые считаю перспективными для дальнейшего обсуждения.

В обоснование тезиса о неоднозначности статуса фронтирной концепции Д. В. Сень цитирует ряд высказываний, прямо свидетельствующих о ее «конфронтационности» и едва ли не агрессивности — так считают авторы этих высказываний. В этом (несколько невротичном) ракурсе фронтир как бы «вспарывает» поверхность постсоветского гуманитарного знания и провоцирует появление не только «пограничных разрывов» в прошлом, но и «фронтов» в настоящем — среди коллег по корпорации. То есть фронтирный дискурс задевает какие-то болевые точки исследователей, оппонировавших этой теории, а значит — предстает как *политически* индуцированный конструкт. Речь не столько о «партиях» в науке и о попытке перераспределения диспозиций в поле знания как в поле власти, сколько вообще о политической заряженности фронтирной концепции. По крайней мере, она так воспринимается, — а значит, данная валидность понятия нуждается в продумывании — что это говорит нам о состоянии дел в самой исторической науке? Кроме того, фронтирная модель, если рассматривать ее на фоне прочих историографических вариантов сборки прошлого, выглядит политически небезопасно, поскольку имеет слишком явные «выходы» к современности и потому может продуктивно применяться для объяснения некоторых текущих процессов социально-исторической динамики. «Фронтирная» интерпретация сегодняшнего дня некоторых — в прошлом фронтирных — регионов не гарантирует лоялистских суждений.

Далее. Фронтир — видимо, самый пространственно фундированный термин в историографическом вокабуляре. При этом уровень его проработки именно как *пространственной* категории неудовлетворителен. Имеющиеся теоретические проекции фронта (со словесным вырисовыванием «буферных зон», «передовых краев» и прочего) тяготеют в лучшем случае к картографичности, но не к пространственности. На фоне современного состояния обширного и тонко размеченного поля социальной географии, а также довольно давних уже открытий географии теоретической все это выглядит архаично и непродуктивно. Между тем опора на достижения в этих областях может существенно продвинуть фронтирные штудии, более того — без нее содержательное развитие концепции просто невозможно.

И главное. На мой взгляд, в актуальной фронтирной теории еще не выполнена та работа, которая в традиционной историографии называлась «методологическим синтезом». Этот оборот не означает простого согласования наличных схем изучения границ и граничности в их применении к истории социальных, государственных, цивилизационных и иных феноменов, хотя и это — не такая уж простая работа. Методологическое измерение фронтирной концепции предугадывается как весьма емкое, поскольку фронтир — возможно, последний современный дискурс пространства, мобильности и аффекта. Ключевые слова — *модерный* и *последний*. Является ли фронтирная теория выходом за пределы новоевропейских метанарраций, как полагает Д. В. Сень, для меня остается вопросом, и в качестве рабочей гипотезы я бы предложила как раз обратный тезис: фронтирная модель истории и в конце XIX столетия, и в версиях начала XXI в. являет собой скорее еще одну метатеорию со всеми базовыми допущениями науки Нового времени. Тем не менее фронтирное исследование гораздо

более чувствительно к обнаружению *Другого* и вообще *различий*, чем колониционный контейнер, и поэтому предлагает достаточно гибкий инструментарий для конкретизации антропологических вариаций макроистории.

Но вместо этой — по сути эпистемологической — работы последние два десятилетия происходит дальнейшая онтологизация фронта: он гипостазирован в статусе «исторического факта», обнаруживаемого едва ли не в каждой части тела нашей большой страны. История ее расширения за несколько столетий и в самом деле демонстрирует сплошные «порубежья» и «пограничья», позже седиментированные в границы государственные и административные. Количество их локальных версий понуждает «фронтироведов» к навязчивым калькуляциям этого множества. Выделение все новых таксонов в имеющихся классификациях фронта и приращение количества самих этих классификаций — увлекательное занятие, однако продуманы ли их основания, действительно ли это *теоретические модели*, а не складирование локальных версий некоей «фронтирной универсалии»?

Фронт не является инструментом протоколирования конкретно-исторических явлений. Это понятие вообще не операциональное, а методологическое. Фронт следует рассматривать как новый способ сборки *исторического* как такового. Это один из форматов самопонимания истории и как науки, и как делящегося человеческого опыта.

Владимир Иванович Мильчев: По нашему убеждению, концепт фронта за более чем вековую историю своего существования не только продемонстрировал изрядную «эластичность», но и вплотную приблизился к «всеобъяснимости», поскольку смысл понятия не просто расширился, но часто и изменялся до неузнаваемости. Переход его из плоскости собственно исторических исследований в более широкие поля гуманитаристики состоялся давно. Ведя разговор о «фронтире» в наше время, трудно ограничить свое воображение событийной историей «Дикого Запада» или же «Дикого поля». Понимание фронтного взаимодействия, в широком смысле слова, стало означать контакт (с последующими взаимными реакциями) носителей языков, идей (религий), технологий, типов хозяйствования. Многие исследования в области этнологии, социальной антропологии, культурологии, лингвистики построены именно на идее существования множественных «фронтиров».

Как пример, укажем на историю междисциплинарного изучения индоевропейской экспансии, растянувшейся на несколько тысячелетий и явившей беспрецедентный пример того, как небольшая группа, вооруженная передовыми технологиями в области металлургии, доместикации и транспорта, военного искусства смогла распространить свой генофонд и языки на пространствах от Каспия до Атлантики, Индостана и Гоби.

Более того, наметился отрыв от взгляда на фронт как на социо-культурный феномен, возникающий исключительно при взаимодействии двух или нескольких человеческих коллективов. Можно ли считать фронтом территорию сосуществования двух биологических видов высших приматов и наших ближайших генетических родственников — шимпанзе и горилл в бассейне Конго? Ревнителю чистоты понятия лишь саркастически улыбнутся, услышав подобный вопрос, и оставят его без ответа. Но как быть с тем фактом, что внутригрупповые иерархии и этос «пограничных» шимпанзе — ведущая роль самцов, более высокий уровень агрессии и беспримерная для остальных популяций вида способность спланировать «военные отряды» — были

скорректированы именно фактором соперничества с гориллами? А у их сородичей бонобо (еще до недавнего времени воспринимаемых лишь как подвид шимпанзе), отделенных от агрессивных соседей великой африканской рекой, эволюция социальных отношений пошла совсем другим путем?

Уместно ли и дальше трактовать данную ситуацию исключительно с позиций дарвиновского «естественного отбора», отказывая ей в чертах не только «фронтирности», но и «человекоподобности»? Ведь в процессе собственно антропогенеза или же на заре истории наших предков-кроманьонцев подобных сюжетов было не меньше — вспомним о неандертальцах, денисовцах и прочих видах ранних людей... Чем это был не фронтир эпохи палеолита?

Другой пример — расширение ранними людьми пределов ойкумены. Допустим, освоение предками циркумполярных народов просторов Арктики. Как известно, ставшее хрестоматийным определение американского фронта XIX в. гласит, что таковым является территория с населением меньше двух человек на квадратную милю. А если людей нет вообще, но вместо них в изобилии встречаются белые и бурые медведи, полярные волки и прочие представители местной фауны — следует ли тогда рассматривать процесс проникновения небольшой группы первооткрывателей в качестве фронтальной ситуации? С точки зрения кабинетного ученого нашего времени, возможно, и нет, но первобытные охотники, жившие 12–14 тысяч лет назад, очевидно, воспринимали ее именно такой, хотя бы на уровне ощущений и повседневных практик: была враждебная человеку окружающая среда с опасными животными (которые часто воспринимались как равные людям и одухотворялись), с которой поколения первопроходцев взаимодействовали, наблюдали за ней, перенимали опыт от ее исконных обитателей и побеждали ее, научившись в ней существовать.

Уверен, что концепт фронта продолжит раздвигать границы первоначальных смыслов и будет также применяться для описания ситуаций, в которых неизбежно окажутся представители рода людского по мере своего развития и выхода за пределы родной планеты.

Эдуард Лейбович Дубман: Считаю, что использование концепта фронта для изучения исторических процессов, протекавших в пограничных, окраинных регионах, является необходимым. У нас в России он позволяет существенно расширить возможности традиционно широко применяемой теории колонизации; понять, что же происходило с социумами, складывающимися на пограничных территориях. Наиболее адекватные из применяемых многочисленными историками так называемых «фронтальных исследований» дают возможность для углубленного анализа совокупности явлений, происходящих при освоении пограничного пространства и, прежде всего, ментальности и исторической психологии самого пограничного общества. Методики фронта становятся в какой-то степени «универсальным» инструментарием для изучения пограничных социумов, формирующихся и действующих в различных природно-климатических и геополитических условиях.

При этом, как нам кажется, вряд ли можно говорить о применении целостной, обладающей всеми необходимыми системными атрибутами, теории фронта. Таковой, очевидно, не создано к настоящему времени. Историки (прежде всего российские), как правило, используют только набор подходов, позволяющих «объяснить» развитие

и поведение тех или иных социоэтнических групп в условиях пограничья и постоянных контактов с другими, как правило, противостоящими им сообществами.

Использование концепта фронтира как определенного исследовательского подхода позволяет понять и объяснить своеобразие и некоторые сходные черты у социумов, относящихся, прежде всего, к одной и той же эпохе и формирующихся в пограничных, контактных зонах крупных государственных образований. На начальном этапе складывания таких зон государство не имело возможности создать жесткую систему контроля и управления процессами, происходящими на их территории. Возникла своеобразная, постепенно складывающаяся система вовлечения таких регионов в систему государственного управления. Тем более что эти регионы колонизации нередко смыкались с пространством формирования сообществ с крайне слабой зависимостью от центра, практически автономных.

Например, такими были области российского и украинского вольного казачества. На всякую попытку метрополии усилить контроль за своими окраинами они нередко отвечали жестким сопротивлением. Спорадически усиливающаяся борьба центра и периферии порождала в эпоху позднего Средневековья и начального Нового времени череду восстаний, гражданских (ранее их называли крестьянскими) войн, которые могли создавать угрозу самому существованию, складывающемуся российскому государству — «империи». Эти войны-восстания охватывали обширную территорию, в том числе и уже давно включенную в состав метрополии, а их акторы предлагали альтернативные варианты устройства государства и взаимодействия самодержавной власти с обществом. Такие процессы ряд зарубежных и российских исследователей называли борьбой центра и окраин (Х.-Г. Нольте¹, Н. Я. Эйдельман² и другие).

Амиран Тариелович Урушадзе: Полагаю, что в случае с фронтиром правильнее говорить не о концепции, а о концепте. Фронтир — это способ описания пространства, на котором встречаются и взаимодействуют представители различных культур и социальных традиций. Популярность концепта во многом связана с его теоретической эластичностью, которая иногда близка к метафорическим значениям. Это качество «фронтира» отмечал и автор понятия — Ф. Дж. Тернер. Знаменитый американский историк признавал, что введенный им в широкий научный оборот концепт не требует строгой точности в определении³.

Отсутствие общего конвенционального определения следует отнести и к слабым сторонам концепта. Его теоретическая «размытость» привела к появлению в современной российской историографии случаев концептуального и этимологического отождествления «фронтира» с «фронтом». Примеры подобной путаницы приведены в статье Д. В. Сеня. Этот историографический казус можно объяснить субъективными особенностями, но, очевидно, не менее значимой причиной является «теоретическая недостаточность» самого обсуждаемого концепта.

¹ Нольте Х.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.

² Эйдельман Н. Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 188.

³ Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 15.

За более чем столетнюю историю существования «фронтир» так и не стал полноценной концепцией с собственным терминологическим аппаратом, условиями формирования, критериями «открытия» и «закрытия». В многочисленных исследованиях ученые всегда заново изобретали «фронтир», подчеркивая качества и особенности, наиболее актуальные для изучаемого пространства. Именно поэтому «фронтиром» называли и называют и границу, и регион, и процесс. В связи с этим необходимо отметить, что в некоторых классических работах «фронтир» являлся одновременно во всех трех ипостасях⁴.

Явные теоретические провалы в содержании концепта не стали непреодолимой преградой на пути его использования для описания различных «фронтирных ситуаций». Фронтир успешно применяется для обобщения многообразных контактов, взаимодействий, конфликтов и практик их преодоления в условиях отсутствия институционализированных государственных границ, а также пограничного статуса территории — места встречи участников социокультурного диалога. Фронтир позволяет увидеть амбивалентность идентичностей, механизмы формирования региональных образов, гибридность форм адаптации к природно-климатическим условиям и многое другое. В этом смысле концепт вполне убедителен в современной историографической ситуации и является актуальным инструментом анализа исторического процесса.

Является ли концепция фронта эффе́ктивной для изучения всех стран? Для изучения истории каких стран она является полезной, а в каких не работает?

М. Ходарковский: Как я заметил выше, в определенный момент истории все общества были фронтирными. Фронтир, как маргинальная зона, сам по себе предполагает наличие центра. Поэтому то, что может быть центром для одних, может считаться фронтиром для других. Например, в какой-то степени Киевская Русь возникла как фронтир, на обочинах различных центров: цивилизаций католической Европы, Византии и ислама. Так же как, скажем, Восточная Европа оставалась фронтиром Западной — не только во времена Карла Великого, но и намного позднее. Мне кажется, тот факт, что и Восточная Европа, и Россия оставались фронтиром до сравнительно недавнего времени, объясняет наличие особенностей развития этих регионов и контраст с Западной Европой.

В. И. Мильчев: Говоря о спорах по поводу поиска аналогий концепту фронта, которые ведутся в национальных историографиях, позволим себе прибегнуть к примеру современной Украины, как наиболее близкому нам. Так, заметным событием пятилетней давности стало появление монографии львовского ученого Игоря Чорновола, посвященное исследованию процесса становления и развития теории фронтиров в мировой (главным образом англоязычной. — *В. М.*) историографии, а также ее применению в отношении истории различных регионов мира (преимущественно в зонах европейской колонизации Нового времени). Определенное внимание было уделено и рецепциям фронтирного концепта, выполненным на местном материале украинскими историками, за предшествующую четверть века⁵.

⁴ *Lattimore O.* Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928–1958. London, 1962.

⁵ *Чорновол І.* Компаративні фронтири: Світовий і вітчизняний вимір. Київ, 2015.

Незамедлительной реакцией научного сообщества стало появление нескольких рецензий на книгу. Наиболее основательно к написанию подошел Владислав Грибовский, скрупулезно прочитавший работу и давший ее развернутый анализ⁶. Любезным шагом последнего в отношении И. Чорновола стало ознакомление его с текстом рецензии еще до публикации, вследствие чего и отзыв рецензента и ответ автора были напечатаны одновременно в выпуске историко-культурологического альманаха с красноречивым названием «*Фронтири міста*» (Фронтиры города) (sic!)⁷.

Поскольку и сама рецензия и ответ на нее выложены в сети и доступны всем интересующимся, позволим себе высказать несколько третейских замечаний о сути спора. С одной стороны, это «классический» спор о терминах, способных адекватно описать суть процессов и явлений, а с другой — дискуссия историографа-компаративиста и историка, специализирующегося на изучении кочевников-ногайцев и запорожских казаков XVIII в. Наиболее ценной мыслью, высказанной В. Грибовским, мы считаем утверждение о том, что автор не вполне преуспел в построении классификационных рядов терминов, выявленных им в трудах по теме, и «понятие “граница” можно и должно рассматривать как родовое понятие, поглощающее понятие “фронтир”, поскольку любой фронтир является границей, но не всякая граница бывает фронтиром». Сюда же добавляется и определенная порция высокопрофессиональных замечаний по поводу удачных (и не совсем) попыток автора монографии применить фронтирную теорию к реалиям Северного Причерноморья XVI–XVIII вв.⁸ В свою очередь И. Чорновол отмечает, что подвергся критике со стороны историка-эмпирика, который, будучи несомненным и признанным специалистом в своей области, все же не желает (или не может?) взглянуть на проблему более широко и непредвзято⁹.

Проаннотированная нами дискуссия (советуем прочесть полные тексты) служит своеобразным индикатором тенденций, присущих не только современной украинской, но и многим другим национальным историографиям, в том числе и российской. Убежденность в необходимости подыскания неких, хотя и весьма схожих понятийных аналогий «фронтиру» проистекает из того, что: 1) классическая «фронтирная» ситуация в колонизируемых европейцами обеих Америках, Африке, Австралии и Океании не вполне точно подходит для объяснения схожих, но далеко не тождественных процессов на просторах Евразии; 2) широкая эмпирическая база, накопленная за несколько столетий процессов историописания и параллельного освоения базы исторических источников позволяет относительно легко перенести

⁶ *Грибовський В. В.* Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір» (К.: Критика, 2015. 376 с.) // *Фронтири міста: історико-культурологічний альманах*. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 189–212. URL: www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1954-vladyslav-hrybovskyi-mezha-mezhi-notatky-na-poliakh-knyhy-ihoria-chornovola-komparatyvni-frontyry-svitovyi-i-vitchyzniani-vymir-k-krytyka-2015-376-s (дата посещения — 23.01.2020).

⁷ *Чорновол І.* Межі порубіжжя: Пограниччя проблем. (Відповідь Владиславі Грибовському) // *Фронтири міста: історико-культурологічний альманах*. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 213–218. URL: www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1958-ihor-chornovol-mezhi-porubizhzhia-pohranychchia-problem-vidpovid-vladyslavovi-hrybovskomu (дата посещения — 23.01.2020).

⁸ *Грибовський В. В.* Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола... С. 206, 210–211.

⁹ *Чорновол І.* Межі порубіжжя... С. 217–218.

заокеанский опыт на родную почву — отсюда такие концептуальные конструкторы как «*Великий Кордон*» (Большая Граница), «барьерные зоны» и прочие; 3) опыт исторического бытия собственной нации (государства) воспринимается как уникальный и не имеющий мировых аналогов, а потому и заслуживающий концептуально отличающегося описания.

А. Т. Урушадзе: Как исследовательский инструмент, фронтир эффективен для изучения так называемых многосоставных государств, которые в процессе своего развития интегрировали в общее политико-правовое пространство территории с иноэтничным населением. Кроме того, фронтир может стать удачной объяснительной моделью для истории стран, которые формировались в пограничном пространстве. Ярким примером здесь является Украина, о чем содержательно и в сравнительном контексте написал И. Чорновол¹⁰.

В истории многих стран возможно найти определенные обстоятельства или условия, которые позволяют говорить о наличии фронта как места контакта различных социокультурных традиций. Известный французский историк, представитель третьего поколения школы «Анналов» Ж. Дюби в книге «*Время соборов*» привел многочисленные примеры существования, в рамках относительно единой в культурно-цивилизационном плане Западной Европы, областей культурных взаимодействий, заимствований и столкновений¹¹. В Юго-Восточной Азии сложился уникальный пограничный регион, известный благодаря работе выдающегося американского антрополога Дж. С. Скотта как Зомиа¹². Вероятно, этот опыт бегства от государства и его институтов можно описать, используя концепт «фронтир», но сам Дж. С. Скотт предпочитает понятия «периферия» и «пограничье» (*borderlands*).

Колонизация Южной Африки в XVIII–XIX вв. также зачастую описывается как фронтир («бурский фронтир») в тернеровском исходном смысле концепта — место контакта дикости и цивилизации¹³. О разнообразии российских случаев фронта дает представление анализ содержания тематического сетевого издания «*Журнал фронтирных исследований*»¹⁴, выпускаемого учеными Астраханского государственного университета. Отметим, что отсутствие упоминания об этом издании и работах главного редактора журнала С. Н. Якушенкова в статье Д. В. Сеня является труднообъяснимым умолчанием. Особенно это заметно на фоне интересных размышлений Д. В. Сеня о перспективах «общенациональной научной дискуссии», которую могли бы инициировать региональные научно-образовательные центры.

В истории каких стран фронтир не работает? Мне трудно ответить на этот вопрос, но очевидно, что и здесь примеры можно приводить довольно долго. Полагаю, что дело не в составлении своеобразной классификации «фронтирных» и «антифронтирных» стран. Использование или не использование обсуждаемого концепта должно

¹⁰ Чорновол І. Компаративні фронтіри: світовий і вітчизняний вимір. Київ, 2015.

¹¹ Дюби Ж. *Время соборов*. М., 2002. С. 38.

¹² Скотт Дж. С. *Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии*. М., 2017.

¹³ См., например: Есаулова О. М. Южноафриканский фронтир // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 29–32.

¹⁴ URL: <https://jfs.today/index.php/jfs> (дата посещения — 28.05.2019).

определяться и/или ограничиваться задачами, которые ставит исследователь. Если речь идет об анализе событий политической истории, то фронтир мало поможет. Но в случае комплексного изучения пограничных обществ, в том числе казачьих социумов, «фронтир», безусловно, способен стать эффективным исследовательским инструментом.

Почему предпринимаются попытки поиска теорий, альтернативных теории фронта?

А. Т. Урушадзе: В историографии стало принято предлагать фронтир несколько альтернатив. Прежде всего необходимо отметить концепт «контактной зоны», который упоминается в статье Д. В. Сеня, но без указания его научной генеалогии. Концепт предложил в конце 1960-х гг. выдающийся советский славист В. Д. Королюк в контексте проблемы генезиса феодальной социально-экономической формации. В качестве контактной зоны ученый выделял обширную территорию на стыке Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. В. Д. Королюк отметил: «Основанием для выделения особой контактной зоны... послужил не только тот факт, что темпы социально-экономического, политического и культурного развития здесь были относительно гораздо более высокими, чем на главных славянских территориях Центральной и Восточной Европы, но и наличие практически на всем пространстве контактного региона античной подосновы»¹⁵.

Используя сформулированный концепт, В. Д. Королюк показал процесс славянизации территории Юго-Восточной Европы и деформацию античного континуитета «как в области социально-экономического развития, так и в области этнического развития и развития материальной культуры»¹⁶. Как видно, контактная зона заметно отличается от фронта по смыслу и содержанию, но сближает их субъектность взаимодействия между цивилизацией (античным наследием) и условным варварством.

В дальнейшем концепт контактной зоны получил расширительное толкование, превратившись в ареал этнокультурного взаимодействия. Результатом этого синтеза выступали пограничные сообщества, которые формировались на основе нескольких этнических субстратов. Примером может быть терское казачество и его этнокультурное развитие, описанное в фундаментальной работе выдающегося отечественного этнографа Л. Б. Заседателевой «Терские казаки»¹⁷.

Полноценного теоретического развития концепт контактной зоны в том виде, в котором он был предложен В. Д. Королюком, не получил. Скорее можно констатировать некоторое упрощение его аналитического содержания и прогрессирующую метафоризацию. При этом в историографии предпринимались попытки теоретического развития концепта «контактная зона». Известный российский медиевист Е. А. Мельникова предложила различать «зоны контактов» и «контактные зоны». Первоначально формируется «зона контактов», которая при условии интенсивного взаимодействия

¹⁵ Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Заседателева Л. Б. Терские казаки: (Середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974.

различных этнокультурных общностей перерастает в «контактную зону»¹⁸. Концепт контактной зоны в современной историографической практике не имеет объективных преимуществ перед фронтиром. Его привлекательность заключается в отечественном происхождении и лексической прозрачности.

Еще одним понятием, которое выступает конкурентом фронта, является термин древнеримского происхождения — лимес (*лат.* Limes — предел, граница). Лимес представлял собой укрепленную фортификационную линию, преграждавшую проникновение варварских орд на территорию римских провинций. Применительно к истории завоевания Кавказа Российской империей лимес представляется удачным аналитическим обозначением Кавказской линии — цепи фортов, редутов и казачьих станиц, опоясывавших весь Северный Кавказ в XIX столетии. Больших работ с использованием понятия «лимес» в изучении эпохи Кавказской войны пока не появилось, но в ходе обмена мнениями на научных мероприятиях эта альтернатива фронтиру почти регулярно упоминается.

Основной причиной использования альтернативных фронтиру концептов выступает уже отмеченная «теоретическая недостаточность» обсуждаемого понятия. Возможно, еще одним немаловажным обстоятельством является широкая популярность фронта и фронтирной тематики, что воспринимается историками как признак «избитости» концепта. В этом отношении примечательно суждение Э. А. Шеуджен: «Настойчивые поиски северокавказского фронта все более свидетельствуют об ограниченности применения этой идеи к конкретным условиям региона»¹⁹.

Насколько перспективны компаративные исследования фронта, в которых сравнивается история фронта разных стран?

В. И. Мильчев: Вне всякого сомнения, компаративные исследования по истории фронтирных территорий не только перспективны, но и вполне возможны. В качестве примера можем указать на успешный опыт совместного австро-венгерско-хорватского исследовательского проекта, который стартовал в 1996–1997 гг. под руководством профессоров Карла Казера (Грац, Австрия) и Драго Роксандича (Загреб, Хорватия) и реализовывался более десяти лет. Объектом изучения исследовательского коллектива стала зона схождения границ Австрийской, Османской империй и Венецианской республики на восточном побережье Адриатики в XVI–XIX вв. — *Triplex Confinium*. В частности, были исследованы трансформации социальных структур пограничных сообществ региона — граничар, ускоков и морлаков²⁰, процессы формирования образа

¹⁸ Мельникова Е. А. К типологии контактных зон и зон контактов: Скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: Материалы к конференции XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 14–16 апреля 1999 года / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1999. С. 19–27.

¹⁹ Шеуджен Э. Ю. Путь в историю: в поисках методологии исследования. Майкоп, 2007. С. 171.

²⁰ Kaser K. Slobodan seljak i vojnik (1545–1881). Vol. I–II. Zagreb, 1997; Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by D. Roksandić, N. Štefanec. Budapest, 2000.

«другого»²¹, специфика существования этносоциумов в регионе перманентного конфликта²².

В контексте исследованной фронтальной проблематики весьма интересными выглядят компаративные исследования венгерского участника проекта А. Рибера, вычленившего еще несколько «три-граничных» фронтиров в истории Евразии раннего Нового времени. Кроме исследуемого им и командой габсбургско-османско-венцианского *triplex'a*, такими были указаны: 1) габсбургско-венгерско-османский (Трансильвания); 2) польско-российско-османский (Северное Причерноморье); 3) российско-османско-иранский (Кавказ); 4) российско-монгольско-китайский (Центральная Азия)²³. Как видим, три из них имеют непосредственное отношение к фронтальной истории российских регионов. Исследование их истории, к тому же выполненное с усложняющими задачу переменными «трех границ» и сравнительным анализом имеющихся наработок ученых других стран (ЕС, Украина), значительно расширило бы представление об алгоритмах возникновения, функционирования и затухания подобных зон в исторической ретроспективе.

А. Т. Урушадзе: Метод сравнения в исторической науке, как известно, не имеет смысла без постановки научной проблемы, которую такое сравнение (компаративное исследование) призвано решить. Поэтому простое параллельное сравнение истории различных фронтиров не приведет к качественно новым научным результатам. В этом отношении, безусловно, первична постановка исследовательской проблемы.

Перспективными видятся компаративные исследования, нацеленные на определение признаков «открытия» и «закрытия» фронтиров, выявление закономерностей появления гибридных («дрейфующих») идентичностей и стратегий присвоения/удержания территорий в пространстве фронта. Номотетическая повестка явно более актуальна по сравнению с выделением индивидуальных фронтальных характеристик. Тем более что идеографический подход в компаративном изучении фронтиров уже был отчасти реализован, в том числе в российской историографии²⁴.

Возможно ли применение концепции фронта к истории России?

А. Т. Урушадзе: Возможность применения концепта фронталь к анализу российской истории убедительно доказана историографической практикой. Фронталь результативно применяли и применяют для исследования расширения границ Российского государства и колониционных процессов как в масштабе национальной истории²⁵, так и для анализа прошлого отдельных регионов²⁶. Активнее всего фронталь используют на

²¹ Tolerance and Intolerance on the *Triplex Confinium*. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond. 1500–1800 / Ed. by E. Ivetić, D. Roksandić. Padova, 2007.

²² Roksandić D. *Triplex Confinium* ili o granicama i regijama hrvatske povijesti. 1500–1800. Zagreb, 2003.

²³ Rieber A. J. *Triplex Confinium* in comparative context // Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by D. Roksandić, N. Štefanec. Budapest, 2000. P. 13–28.

²⁴ См., например: Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.

²⁵ Канпелер А. Южный и восточный фронталь России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.

²⁶ Ссылки на многие работы приведены в статье Д. В. Сеня.

материале Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья и степной зоны. Развитие региональных исследований привело к появлению новых изменений специфики фронта. В 2010–2013 гг. И. В. Побережниковым была предложена концепция фронтальной модернизации, которая объясняет особенности и противоречия российской модернизации имперского периода «в условиях продолжавшегося расширения страны, присоединения новых земель и их освоения»²⁷. Отметим, что теоретическая новация была положительно встречена профессиональным сообществом, приступившим к рецепции понятия²⁸.

М. Ходарковский: Фронт, на мой взгляд, слово несколько неуклюжее в русском языке. Я бы наверное предпочел слово «пограничье», хотя это скорее соответствует английскому (*borderland*). Вот английский, например, четко различает *borders* (границы), *borderland* (пограничье) и *frontier* (фронт, открытые границы). С XV до XVII в. пограничье в московских документах называлось «украина», «украинные земли». Где-то с середины XVII в., по мере возрастания амбиций Московских государей, акцент перемещается с географического на этнический, то есть с «украинных» земель на фиксирование подданства различных народов.

Как Московское государство, так и Российская империя были классическими фронтальными образованиями в своих восточных и южных пределах. В Кремле и в Петербурге огромные пространства Азии представлялись большей частью как пустые земли, или незаселенные, или населенные примитивными кочевыми, полукошевыми и в целом несuverенными племенными образованиями. По мере продвижения на восток, юго-восток и юг Россия оставалась фронтальным государством до столкновения с границами или пограничными претензиями подобных себе имперских образований (в частности, Османской, Персидской и Китайской империй).

Мне кажется невозможным понимание истории России без осознания того, что Московское государство основывалось как фронтальное, в то время как фронты уже давно перестали существовать в Западной Европе (сравните законченные к XII в. нашествия викингов, мадьяров и мусульманского халифата Омейядов, а к XVI в. — внутренние европейские средневековые распри). Российская империя продолжала оставаться фронтальным государством практически до конца XIX в.

Рассмотрение истории России через историю фронта в ее восточных пределах создает важную исследовательскую перспективу. Поскольку больше всего письменных источников сохранилось от раннего Нового времени, поэтому, наверное, лучше всего сравнивать разные общества, начиная с этой эпохи. В XVI и XVII вв. колониальные империи — Испания и Португалия в Южной Америке, Англия и Франция в Северной Америке, Голландия в Южной Африке — были заняты своими новыми фронтами. Несомненно, это были несколько иные фронты, которые не представляли

²⁷ Побережников И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 73.

²⁸ Почекаев Р. Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право: журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190; Тимошенко А. И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148.

непосредственной опасности центрам заморских империй, в отличие от Российского опыта.

Если не вдаваться в подробности, то, наверное, лучшее сравнение или, точнее, контраст с Российским опытом фронта представляет пример Великобритании и США в Северной Америке. Несмотря на поверхностную аналогию, продвижение США на Запад происходило относительно поздно, где преобладание современного огнестрельного оружия было неоспоримо. Кроме того, в общем и целом общества, с которыми столкнулась Великобритания, были на значительно более низком уровне развития, чем различные мусульманские, буддийские или языческие социумы, обитающие в степях и горах Азии.

Замечу, что известный тезис Тернера по ряду причин больше подходит к истории фронта России, нежели США — в том смысле, что фронт оказывал огромное влияние на центр. Уже давно показано, что истоки американской демократии исходили из центра и не были влиянием фронта, как утверждал Тернер (конечно, любовь американцев к оружию и связанная с этим мифология индивидуальной свободы есть результат опыта фронта и в этом качестве влияла и влияет на политику, и чем-то похожа на историю и образы казачества до 1917 г.). Например, следуя британской правовой традиции, Вашингтон продолжал заключать мирные договоры с индейцами так, как будто это были две равные стороны. Конечно, по сути, как и в России, часто применялся обман, подкуп, неправильные переводы текста, но, тем не менее, в отличие от России, чисто с юридической точки зрения, это были мирные договоры между двумя равными сторонами до 1871 г.

В России, же несмотря на традицию самодержавия, заимствованную из Византии, влияние фронта было значительно выше. Сама Москва в большой степени была наследницей Золотой Орды и считала себя таковой. В отличие от западных рубежей России, на юге и востоке применялась совершенно иная терминология и политика по отношению к местному населению. В некоторых местах — как Северный Кавказ, например — это продолжалось вплоть до конца XIX в. На фронте России народы, с которыми сталкивалась Москва, а затем Петербург, должны были немедленно признавать себе подданными царя (давать шерсть), представлять собой заложников (аманаты), выплачивать ясак, как в Сибири, либо поставлять военные отряды для войн против врагов России. Россия здесь следовала традициям и терминологии Золотой Орды и ее Чингисидских наследников.

Фронт в России существовал намного дольше, чем в других империях, и играл куда более значительную роль. Сначала это был фронт, который представлял огромную опасность для самого государства. Постоянные набеги и крупные военные походы из степей было тяжело предотвратить. Попытки Москвы называть дань и различные выкупы жалованьем и подарками не могли скрыть того, что фронтное общество означало огромные финансовые затраты — как на дань, так и на создание засечных черт и укрепленных линий.

С другой стороны, начиная с XVIII в. фронт постепенно превращался из защитного в наступательный. Отсутствие четких границ и подавляющее превосходство российского оружия являлось постоянным приглашением к экспансии. С этой точки зрения, пожалуй, самой ближайшей аналогией российского опыта является Китай с его оборонительными стенами, а затем — экспансии в Джунгарии в XVIII в.

Несомненно, что Российское государство было классическим фронтиром в его восточных и южных рубежах. Здесь, в азиатских частях будущей Российской империи, политика по отношению к местному, не христианскому населению и обширным ново-завоеванным землям мало отличалась от политики и методов западных колониальных держав. Несмотря на изначально разные цели (западные империи больше стремились извлечь из колоний прибыль, а Российская империя в первую очередь добивалась лояльности покоренных народов и утверждала престиж царского престола), и те другие империи рассматривали пространства, где обитали кочевые племена, как пустынные. Поэтому эти земли должны были быть заселены новопришельцами, местное население цивилизовано и частично обращено в христианство, их законы со временем заменены общеимперскими, их элиты ассимилированы, а их образ жизни изменен на образ жизни завоевателей. Приблизительно то же относилось к фронтиру в предгорьях и горах Северного Кавказа.

Следует подчеркнуть, что Россия использовала методы колониального управления раньше, чем большинство западных империй, которые вначале полагались на частные компании в управлении своими колониями, и только значительно позже, в XIX в., перешли на государственное управление. Мне кажется особенно важным понимание того, что на своих восточных и южных рубежах, начиная с середины XVI в., Московское государство и в дальнейшем Российская империя создавались как колониальные. Но, в отличие от европейских империй, Россия с самого начала представляла собой форму государственного колониализма. Это многое объясняет как в механизмах создания Российской империи, так и в причинах ее распада.

В известном смысле СССР был продолжением старой колониальной империи, и поэтому его развал был непредотвратим. Так же как и сегодняшняя Российская Федерация, которая, на мой взгляд, является федерацией только на бумаге, находится под угрозой тех же центробежных сил, корни которых уходят в колониальное прошлое империи. То, что большинство российских историков как и в империи XIX в., так и в советские послевоенные годы, так и в современной России отказываются применять понятие колониальности к российскому историческому прошлому, вряд ли способствует пониманию природы Российского государства и истории нехристианских народов России.

В. И. Мильчев: Фронтирная концепция, как никакая другая, подходит для трактовки событий, не только отстоящих от нас на 150–300 лет, но также и для изучения случаев повторения «фронтирных» обстоятельств не только в отдельных регионах России, но, более широко, и Украины в Новейшее время (1990-е; 2010-е гг.). Ослабление или полный вакуум государственного контроля в условиях столкновения конкурирующих идеологием или политических проектов, нередко, к тому же, осложненный фактором военных конфликтов, не только вызывает к жизни реанимацию архаичных форм самоорганизации населения в виде возрожденных (или сконструированных «с нуля») казачьих войск и прочих парамилитарных групп, выполняющих вполне реальные, а не опереточные роли, но и привносит во все стороны жизни населения позабытую давным-давно атмосферу пограничья. Изучение подобных ситуаций с позиций не только собственно истории, но и конфликтологии, политологии, этнологии и пр., несомненно, должно включать в себя и учитывать опыт «фронтирных штудий».

Э. Л. Дубман: Могу предположить, что в период интенсивной колонизации конца XVI – начала XVIII в. сложился ряд таких социальных образований, в работе с которыми вполне эффективными являются указанные выше подходы. С помощью концепта фронта целесообразно изучать служилых людей гарнизонов засечных линий, обеспечивающих процесс колонизации новых, практически не имевших оседлых жителей территорий и защищающие пограничные рубежи. Вместе с тем, они, наряду с русским крестьянством и ясачными людьми Среднего Поволжья, являлись основными участниками массового хозяйственного освоения новых территорий. Все эти разнообразные группы переселенцев оказались включенными в процесс своеобразного «обретения родины», именно они явились основой для складывания нового поликонфессионального и разноэтничного сообщества. Следует согласиться с мнением ряда российских и зарубежных исследователей (Б. Э. Нольде, А. Каппелер, С. А. Воропанов и другие)²⁹, считающих, что статус таких «окраин», осваиваемых разнородным населением, почти не отличался от статуса центральных территорий, населенных «великороссами».

Данные «окраины» развивались под постоянным управлением и контролем как местной, так и центральной администрации, и говорить о наличии здесь каких-либо зачатков казачьей вольницы вряд ли возможно. Вместе с тем определенная часть этого вновь складывающегося населения пограничья имела тесные контакты с казачьей вольницей и готова была поддержать его выступления, как это произошло во время Разинщины. Тогда на сторону разинцев наряду с тяглым населением перешло подавляющее большинство служилых людей по прибору: русских, чувашей, мордвы и татар. Характерно, что такое массовое вооруженное выступление достигло своего апогея, когда на территории региона уже отсутствовали силы, приведшие к началу массового повстанческого движения.

Еще один вариант, практически не рассматривавшийся историками как фронтальный, — формирование на Средней (ниже устья Камы) и Нижней Волге в период навигации и промыслового сезона огромного количества рыбных и соляных промышленников, работных людей на промыслах и судовом ходу, ярыг и прочих. Ежегодно, начиная с весны, здесь собирались тысячи людей, кормившихся работой. Многие из них могли бэтом отношении характерны описания волжсыстро трансформироваться в ватаги вольного казачества, соседей и подсоседников в волжских городах на зимний период, служилых людей по прибору. К тому же определенную часть среди них составляли представители вольного казачества. В кой вольницы и ее поведения в записках английских путешественников второй половины XVI в., дневниках А. Олеария и других иностранных путешественников. Даже несмотря на расположенные по берегам Волги города-крепости, случаи нападений казачьих отрядов были обыденным явлением.

Юрий Александрович Мизис: Фронтир в России пережил несколько периодов своего существования. Первый этап связан с освоением новых территорий, переселенческим движением, формируемым правительственной политикой, или вольной колонизацией,

²⁹ Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 180–181; Каппелер А. 1) Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 28–29; 2) Южный и восточный фронтир России... С. 57–58; Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017. С. 52–54; и др.

подхваченной государственными органами. Как правило, в Русском государстве этот процесс сопровождался созданием укрепленных линий или цепи городов-крепостей (сначала засечная черта, затем черта и потом — линия). Затем на протяжении определенного периода шел процесс образования особой пограничной зоны с постоянным динамичным перемещением границ (подвижной границы) без четко очерченных и зафиксированных официально границ, как это происходило на юге и юго-востоке России. Во время продвижения государственных границ фронтир перемещался на новые территории, а старая зона фронта как-то время имела особый переходный статус. Например, появилась обязанность выделять на южную границу своих служилых людей, частично следить за состоянием старых укреплений, сюда начиналось проникновение дворянского землевладения, появлялись крепостные крестьяне, возникали крупные посадские общины.

При изучении территории фронта важно значение имеет выявление основных маркеров превращения фронтирной территории в традиционную территорию страны и конкретное исследование этих процессов. Выводить только из теории русского фронта особенности формирования Русского государства, образования империи — значит сужать пространство исследований, как и при попытке выводить всю историю страны из колониальных процессов.

Дмитрий Владимирович Сень: Выражаю благодарность редакции авторитетного в научном мире издания «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» за прекрасную возможность высказаться на тему, звучание и содержание которой по-прежнему интересует и заботит многих исследователей. Среди ученых, принявших участие в дискуссии, — известные специалисты из России, США и Украины. Сделаю оговорку: мои наблюдения о состоянии фронтирных исследований в России, в том числе об определенной «усталости» от использования соответствующего концепта даже среди его сторонников, изложены в открывающей дискуссию статье.

Концепт фронта все заметнее перестает служить символическим основанием, разделяющим (ранжирующим) исследователей по принципу «правильного / неправильного» отношения, например, к истории территориального расширения Российского государства. Конечно, подобное (маргинальное сегодня!) клиширование — «родимое пятно» российской историографии Новейшего времени, но дело также в другом. Изживание политизированного отношения к концепту фронта именно в России, как это ни парадоксально, добавляет оптимизма к перспективам его дальнейшего использования — в пространстве, однако, не только российского конкретно-исторического материала.

Историографическая ситуация характеризуется тем, что современные российские ученые уходят от концепции Ф. Тернера о фронтире как о двигателе прогресса³⁰ и представлений о нем, как о перманентном пространстве конфликтов. Тернеровское понимание уже не является доминирующим в исследовательском пространстве ни фронтирного дискурса, ни *borderlands history*. Сегодня наблюдается, скорее, трансляция общемировых тенденций по изучению фронтиров как «зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой»³¹.

³⁰ Баррет Т. М. Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 167–168.

³¹ Каппелер А. Южный и восточный фронт России... С. 49.

Нельзя согласиться с мнением о том, что формированию пограничного контактного пространства должен предшествовать некий «фронт»³², после чего якобы и наступает время «взаимополезного» фронта. Я по-прежнему полагаю неочевидной «политическую заряженность фронтирной концепции». Сегодня неактуальна тревога авторов, высказанная в недавнем прошлом, представивших версию *опасностей*, якобы кроющихся в теории фронта³³. Сами по себе исследовательские «болевы точки» российской истории не могут служить достаточным основанием для проверки валидности указанного понятия и всей фронтирной теории. Соответствующая реакция значительной части противников данной теорией, конечно, показательна, но в другом смысле. На мой взгляд, она демонстрирует архаичное и нетерпимое отношение к «чужой» по происхождению теории, системно «взорвавшей» в России пространство изучения и региональной истории, и, что более существенно, имперской тематики. Добавлю, что многие критики фронтирной теории вполне лояльны к концепту «прогрессивной роли» России в истории ее взаимодействия с народами присоединенных территорий.

Самого пристального внимания заслуживает фраза М. Ходарковского о том, что отказ многих российских историков «применять понятие колониальности к российскому историческому прошлому» не способствует пониманию природы Российского государства и истории нехристианских народов России. К слову, обращаю внимание на причудливую трансформацию культурно-исторической среды, некогда породившей концепт «фронт», а сегодня уверенно его использующей. В первом случае, безусловно, речь идет о колониализме в науке и его разновидностях³⁴, а также об ориентализме, во втором — о приоритете и направленности постколониальных исследований, деконструирующих всевозможные имперские нарративы. Представляется, что оценены далеко не все возможности концепта фронта по деколонизации исторического знания, например, в соединении с методикой «новой имперской истории».

Критика теории фронта сегодня опирается на различные основания и концепции. Известный кавказовед Ю. Д. Анчабадзе убежден в ущербности понятия «фронт» и полагает, что оно «не задержится и не закрепится в нашей исследовательской литературе»³⁵. Возможно, такая оценка вызвана критическим отношением к конкретным трудам, авторы которых настаивают на трактовке кавказского фронта как *промежуточного* пространства для России, на конфронтации передового социума и «сонного царства» местных «племен»³⁶. Предпринимаются попытки определения *типичных* и *объективных* признаков фронта «с опорой на материалы фронтирных нарративов»³⁷. Уязвим подход, согласно которому все якобы настолько очевидно, что нет «особых оснований

³² *Матвеев О. В.* От фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 5 и др.

³³ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 56.

³⁴ *Грибовський В. В.* Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола... С. 199–200 и др.

³⁵ *Анчабадзе Ю. Д.* Рецензия на: Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 628 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 181–182.

³⁶ Там же. С. 181.

³⁷ *Басалаева И. П.* Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 47, 49.

для конструирования концепции «фронтiera»³⁸. Напрасно при этом утверждается, что участники такого пространства («дикого поля») не различались в российском политическом сознании до эпохи Просвещения, позволяя Москве вступать в союзы с разными жителями Степи, якобы «никуда не «продвигаясь» и никаких географических пустот не «колонируя»». В этих случаях резко сужается охват исследовательской оптикой процессов и участников местной пограничной жизни, оцениваемых именно Москвой как несущественных (то есть «несуществующих»!), неконтролируемых и ненужных. Столь прямолинейный подход определенно препятствует изучению «неустойчивого равновесия» в пространстве пограничной жизни — с ее «неофициальностью» и мозаичностью местных социальных и культурных процессов, с энтропией официальных властных отношений и ресурсов, извне направленных на достижение лояльности со стороны населения, принуждения и контроля над ним. Контрпродуктивным мне кажется аналогичный подход, согласно которому изучение фронтиров напрямую связано с государством как якобы *ab ovo* фронтиров.

Между тем концепт фронтира способствует *концептуализации и контекстуализации* новых региональных исторических исследований, необходимых для понимания процессов, выходящих за пределы государственных или национальных границ, например, при описании истории, языков самопрезентации и самовыражения со стороны пограничных сообществ. Он позволяет находить все новые точки для успешного применения в горизонтальном измерении фронтирной жизни, а не вертикали однонаправленного «метропольного» импульса. Это особый взгляд на историю пограничных сообществ казаков, номадов, а также подобных им социумов, активно создававших на пограничье новые идентичности и новые социальные статусы. В этом ключе рассуждают А. Т. Урушадзе, Э. Л. Дубман, И. П. Басалаева. В том-то и дело, что одна из сильных сторон концепта фронтира состоит в том, что он более чувствителен к обнаружению *Другого*, и предлагает «достаточно гибкий инструментарий для конкретизации антропологических вариаций макроистории». Операциональные возможности концепта фронтира исключительно велики — с его помощью успешно описываются случаи и явления, не «попадающие» в пространство многих других концептов и методик, инструментарий которых маргинализирует (объявляя, по сути, неисторичным) многочисленные культурные процессы на территории обширных переходных зон.

Согласимся с А. Т. Урушадзе в том, что единой концепции фронтира не существует. Но значит ли это, что его сторонники, должны сосредоточиться только на трактовке самого понятия? Конечно, нет — что, в общем-то, и демонстрируют фронтирные исследования сегодняшнего дня, зримое воплощение которых, в том числе, — специализированная научная периодика³⁹. Перед нами пространство концептуализации понятия «фронтiera», а значит — уверенное продвижение интернационального сообщества ученых по пути оформления концепции. Предстоит новый этап обсуждения терминологии («фронтирная модернизация», «область фронтира»), предложенной именно российскими учеными. К слову, не может не радовать типологически сходная

³⁸ *Ерусалимский К. Ю.* Образы российского ориентализма (Обзор). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21989/ (дата посещения — 28.04.2020).

³⁹ *Фронтири міста: Історико-культурологічний альманах / Ред. В. В. Грибовський.* Дніпропетровськ-Дніпро, 2012. Вип. 1–5.

ситуация в российской и украинской историографиях — в том числе характеризующаяся поиском адекватных эквивалентов понятию «фронтир» в славянских языках. Искренне надеюсь, что результаты новейшей академической дискуссии, состоявшейся, к примеру, между В. Грибовским и И. Чорноволом, будут полезны и российским ученым. Тут же отмечу, что украинские историки более внимательно отнеслись к истории российских фронтиров⁴⁰, чем российские специалисты к фронтальной истории украинских земель.

Соглашусь с мнением большинства дискуссантов о том, что сложно специально искать территории и исследовательские ситуации, в которых, по отношению к другим, аналогичным, концепт фронта будет работать лучше или хуже. Вместе с тем перед нами — только одно из направлений современной междисциплинарной практики по изучению границ и пограничий. Альтернативы — историческая и политическая лимнология, теория «контактных зон». Мои возражения по-прежнему направлены против отождествления якобы *альтернативных (тождественных)* исследовательских концептов — фронта и колонизации, когда на основании небезупречного отождествления американского фронта и русской колонизации делается глубоко ошибочный вывод о том, что «по сути, современная теория “фронта” выступает *альтернативой* теории “колонизации”»⁴¹.

Говоря о перспективах и проблемах использования концепта фронта, участники дискуссии разошлись во мнении о потенциале использования историко-сравнительного метода. Это особенно любопытно, если вспомнить об уже накопленной в науке солидной базе вполне корректных сравнений разных фронтиров и фронтальных сообществ. Безусловно, не стоит напрямую сравнивать американский фронт и фронтальные территории России. Более продуктивно сравнить фронтиры, *одновременно* существовавшие в межимперском пространстве, например (но не только), России и Османской империи; выявить общее и особенное в освоении сравнимых (например, парамилитарных) пограничных сообществ тех или иных территорий; типологизировать формы сопротивления и конформизма населения фронтальных территорий к внешним вызовам; наконец, уяснить не только *сходство*, но и *отличия*, присущие людям и явлениям во фронтальном пространстве. В том же ключе можно рассмотреть выделенные А. Т. Урушадзе направления *аналогичных* компаративных исследований, «нацеленных на определение признаков “открытия” и “закрытия” фронтиров, выявление закономерностей появления гибридных (“дрейфующих”) идентичностей и стратегий присвоения / удержания территорий в пространстве фронта».

Отрадно, что почти все дискуссанты (здесь не могло и речи идти о заранее согласованной позиции) выступили за признание адекватности подхода по изучению прошлого России через историю фронта (особенно в ее восточных пределах), что создает важную исследовательскую перспективу. Исключительно важной является мысль о том, что фронтальные территории оказывали на русский / российский центр куда большее

⁴⁰ Чорновол І. Фронтири Росії // Критика. 2007. № 10. С. 17–21.

⁴¹ Голованова С. А., Шнайдер В. Г. Концепция «фронта» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. I: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 3. С. 66–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-frontira-v-sovremennoy-kavkazovedcheskoj-literature> (дата посещения — 28.04.2020).

и заметное влияние, чем это принято считать в исторической науке. Не вполне соглашаясь с Э. Л. Дубманом о статусе ряда «окраин» (пример Поволжья), замечу, что в «русском порубежье» происходили процессы коммуникации с другими пограничными сообществами, рождения новых социумов и идентичностей (в том числе «других русских / православных», возникавших (порой впервые в истории!) именно под влиянием местных условий, а не в продолжение «московской вертикали» расширения границ и представлений о Другом.

Благодарю всех коллег за интерес, проявленный к теме дискуссии, и надеюсь на дальнейшее совместное обсуждение фронтирной тематики.

Информация о статье

Дискуссия подготовлена при поддержке программы развития научных журналов в рамках государственного контракта № 14.597.11.0035, заключенного между Минобрнауки РФ и НИП «НЭИКОН».

Авторы: Басаласва, Ирина Петровна — кандидат философских наук, доцент, Кемеровский государственный университет, Новокузнецкий филиал (институт), Новокузнецк, Россия, e-mail: isapan@yandex.ru, OrcID 0000-0001-5136-5630, Researcher ID U-8369-2017, SPIN-код 7067-4020;

Дубман, Эдуард Лейбович — доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Самара, Россия, e-mail: dubmane@mail.ru, OrcID 0000-0002-3282-2661, Researcher ID B-5869-2017, SPIN-код 1895-5876;

Мизис, Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г. П. Державина, Тамбов, Россия, e-mail: ymizis49@yandex.ru, OrcID 0000-0002-4065-0767;

Мильчев, Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор, Запорожский национальный университет, Запорожье, Украина, e-mail: vladmilchev@ukr.net, OrcID 0000-0003-4432-3322;

Сень, Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: dsen1974@mail.ru, OrcID 0000-0002-5222-4685, Scopus ID 57211031437, SPIN-код 7410-0391;

Урушадзе, Амиран Тариелович — кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: aturushadze@sfedu.ru, OrcID 0000-0003-4624-007X, Scopus ID 55481074000, SPIN-код 4544-9429;

Ходарковский, Майкл — профессор истории, Университет Лойолы в Чикаго, Чикаго, Соединенные Штаты Америки, e-mail: mkhodar@luc.edu, Scopus ID 15026504700.

Заголовок: Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сень

Резюме: Поводом к дискуссии послужила статья Д. В. Сень о современном состоянии фронтирных исследований в России, публикуемая в текущем номере журнала. Участниками дискуссии выступили ученые из России, США и Украины, занимающиеся историей пограничных территорий и пограничных сообществ. Они сосредоточились на нескольких ключевых вопросах: перспективы компаративных исследований фронтирных территорий, сравнение концепта фронтира с исследовательскими возможностями других концептов и теорий; классификация фронтиров, включая фронтирные территории России. Кроме того, авторы обсудили практики ненаучного «приписывания» концепту фронтира признаков, препятствующих развитию диалога именно среди российских ученых. Некоторые ученые считают фронтирную модель «политически небезопасной». Нет оснований считать концепт фронтира малопродуктивным на том основании, что прямые аналогии, скажем, между американским фронтиром и иными фронтирами, скорее всего, несостоятельны. На широком эмпирическом материале рассмотрены различные точки зрения о валидности фронтирной теории по отношению к разным случаям, в том числе об «эластичности» и «всеобъяснимости» при помощи концепта фронтира соответствующих кейсов из истории разных государств, территорий, культур. Уделено внимание и ответу на вопрос о том, может ли теория фронтира оказать в начале XXI в. принципиальное влияние на изучение истории российских регионов и на тематику исследований, реализуемых региональными научными сообществами. Представлены новые аргументы, объясняющие, почему в различных национальных историографиях не прекращаются споры о поиске аналогий или даже о ревизии теории фронтира. Участники дискуссии в целом согласились с мнением о том,

что концепция фронтира может быть признана неисключительной, но убедительной объяснительной моделью при обращении именно к российскому историческому опыту освоения соответствующих явлений и территорий, главным образом, XVI–XIX вв. Определены проблемы и перспективы дальнейшего использования концепта. Высказано мнение о необходимости выявления основных признаков (маркеров) превращения фронтирной территории в так называемую традиционную территорию страны и конкретно-исторического исследования подобных процессов.

Ключевые слова: историография, колонизация, метанарратив, пограничье, теория фронтира, фронтиры, границы, порубежье, фронтирные исследования

Литература, использованная в статье:

Агеев, Александр Дмитриевич. Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров. Москва: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.

Анчабадзе, Юрий Дмитриевич. Рецензия на: Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 628 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 180–183.

Баррет, Томас М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. Дэвид-Фокс, Майкл. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 163–193.

Басалаева, Ирина Петровна. Критерии фронтира: К постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

Воропанов, Виталий Александрович. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). Москва: Проспект, 2017. 192 с.

Голованова, Светлана Александровна; Шнайдер, Владимир Геннадьевич. Концепция «фронтира» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 3. С. 66–74.

Грибовський, Владислав Володимирович. Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір» (Киев: Критика, 2015. 376 с.) // Фронтири міста: Історико-культурологічний альманах / Ред. Грибовський, Владислав Володимирович. Дніпро: Герда, 2016. Вип. 5. С. 189–212.

Дюби, Жорж. Время соборов. Москва: Ладомир, 2002. 378 с.

Ерусалимский, Константин Юрьевич. Образы российского ориентализма (Обзор). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21989/ (дата посещения — 28.04.2020).

Есаулова, Ольга Михайловна. Южноафриканский фронт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 29–32.

Заседателева, Лидия Борисовна. Терские казаки: (Середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. Москва: МГУ, 1974. 423 с.

Каппелер, Андреас. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Москва: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. 342 с.

Каппелер, Андреас. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.

Королюк, Владимир Дорофеевич. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья: Политическая и этническая история. Москва: Наука, 1985. 240 с.

Матвеев, Олег Владимирович. От фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.

Мельникова, Елена Александровна. К типологии контактных зон и зон контактов: Скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: Материалы конференции XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 14–16 апреля 1999 / Отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1999. С. 19–27.

Нольде, Борис Эммануилович. История формирования Российской империи. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2013. 848 с.

Нольте, Ханс-Генрих. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.

Побережников, Игорь Васильевич. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: Региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 72–89.

Почекаев, Роман Юлианович. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтирной модернизации // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.

Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
Скотт, Джеймс С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Москва: Новое издательство, 2017. 565 р.

Тернер, Фредерик Джексон. Фронтир в американской истории. Москва: «Весь Мир», 2009. 304 с.

Тимошенко, Альбина Ивановна. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 141–148.

Фронтири міста: Історико-культурологічний альманах / Ред. Грибовський, Владислав Володимирович. Вип. 1–5. Дніпропетровськ–Дніпро: Герда, 2012–2016.

Чорновол, Ігор. Компаративні фронтири: Світовий і вітчизняний вимір. Київ: Критика, 2015. 376 с.

Чорновол, Ігор. Межі порубіжжя: Пограниччя проблем. (Відповідь Владиславі Грибовському) // Фронтири міста: Історико-культурологічний альманах. Дніпро: Герда, 2016. Вип. 5. С. 213–218.

Чорновол, Ігор. Фронтири Росії // Критика. 2007. № 10. С. 17–21.

Шедджен, Емилия Аюбовна. Путь в историю: В поисках методологии исследования. Майкоп: ООО «Качество», 2007. 268 с.

Эйдельман, Натан Яковлевич. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман, Натан Яковлевич. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. Москва: Высшая школа, 1993. С. 188.

Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša. Budapest: CEU, 2000. 288 p.

Kaser, Karl. Slobodan seljak i vojnik (1545–1881). Vol. I–II. Zagreb: Naprijed, 1997. 524 s.

Lattimore, Owen. Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.

Rieber Alfred J. *Triplex Confinium* in comparative context // Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša. Budapest: CEU, 2000. P. 13–28.

Roksandić, Drago. *Triplex Confinium* ili o granicama i regijama hrvatske povijesti. 1500–1800. Zagreb: Barbat, 2003. 259 p.

Tolerance and Intolerance on the *Triplex Confinium*. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond. 1500–1800 / Ed. by Ivetić, Egidio; Roksandić, Drago. Padova: Cleup, 2007. 364 p.

Information about the article

This discussion was created with the support of the program for the development of scientific journals under state contract No. 14.597.11.0035 concluded between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and NEICON

Authors: Basalaeva, Irina Petrovna — PhD in Philosophy, Associate Professor, Novokuznetsk Branch–Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia, e-mail: isapan@yandex.ru, OrcID 0000-0001-5136-5630, ResearcherID: U-8369-2017, SPIN-code 7067-4020;

Dubman, Eduard Leybovich — Dr. Sc. in History, Professor, Samara National Research University, Samara, Russia, e-mail: dubmane@mail.ru, OrcID 0000-0002-3282-2661, Researcher ID B-5869-2017, SPIN-code 1895-5876;

Khodarkovsky, Michael — Professor, Loyola University of Chicago, Chicago, USA, e-mail: mkhodar@luc.edu, Scopus ID 15026504700;

Milchev, Vladimir Ivanovich — Dr. Sc. in History, Professor, Zaporozhye National University, Zaporozhye, Ukraine, e-mail: vladmilchev@ukr.net, OrcID 0000-0003-4432-3322;

Mizis, Yuriy Aleksandrovich — Dr. Sc. in History, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, e-mail: ymizis49@yandex.ru, OrcID 0000-0002-4065-0767;

Sen', Dmitriy Vladimirovich — Dr. Sc. in History, Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: dvsen@sfnu.ru, OrcID 0000-0002-5222-4685, Scopus ID 55481074000, SPIN-code 7410-0391;

Urushadze, Amiran Tarielovich — PhD in History, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: aturushadze@sfnedu.ru, OrcID 0000-0003-4624-007X, Scopus ID 55481074000, SPIN-code 4544-9429.

Title: How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen’

Summary: The discussion was devoted to the consideration of the paper, written by D.V. Sen’, about the current situation in frontier researches in Russia, which was published in the current issue of the journal. The participants of the discussion were scholars from Russia, the United States and Ukraine, who are studying the history of border territories and border communities. They focused on several key problems related to the main topic of discussion. These are the questions: 1. Is the frontier concept convincing today? What are its strong and weak aspects? 2. Is the concept of a frontier effective for studying all countries, or only some? To study the history of which countries it is useful and in which it does not work? Why do you have such a point of view? 3. Why are continued new attempts to find alternative theories of the frontier theory? 4. What perspectives have comparative studies of the frontier, which compare the history of the frontier of different countries? 5. Is it possible to apply the concept of frontier to the history of Russia? To study the history of which Russian regions is it effective? What “Russian frontier” looks as a myth? Some participants consider the frontier model “politically insecure”. Other participants considered this idea to be irrelevant. However, there is no reason to consider be untenable the concept of a frontier unproductive on the fields that have analogies between the American frontier and other frontiers. Various points of view were considered about the validity of the frontier theory in relation to different cases, examples of explaining these events in the context of the history of different states, territories, cultures using the concept of a frontier. The question was discussed whether the theory of the frontier can provide at the beginning of the XXI century fundamental influence on the study of the history of Russian regions. The question was asked: why in various national historiographies the debate about the search for analogies or even about the revision of the theory of the frontier does not stop? The participants in the discussion generally agreed with the opinion that the concept of the frontier can be recognized as a convincing explanatory model when referring specifically to the Russian historical experience of the development of new territories in the 16th-19th centuries. The participants of the discussion identified the problems and prospects for the further use of the concept of the frontier, not insisting on its “classical definition” and recognizing the absence of a single (internally homogeneous and consistent) concept of the frontier. An opinion was also expressed about the need to identify the main cases of the transformation of the frontier territory into the traditional territory of the country.

Keywords: historiography, colonization, borderlands, comparative studies, contact zones, borders, frontier, frontier theory, frontier studies

References:

- Ageev, Aleksandr Dmitrievich. *Sibir’ i amerikanskiy Zapad: Dvizhenie frontirov [Siberia and the American West: The moving of frontiers]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2005. 334 p. (in Russian).
- Anchabadze, Yuriy Dmitrievich. Retsenziya na: Granitsy i pograničnye v yuzhnorossiyskoy istorii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014). Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal’nogo universiteta, 2014. 628 s. [Review on: Borders and borderland in the history of Russian South (the materials of the all-Russian scientific conference (Rostov-on-Don, 26–27 September 2014). Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2014. 628 p.], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 3. Pp. 180–183. (in Russian).
- Barret, Thomas M. Lini neopredelennosti: Severokavkazskiy «frontir» Rossii [The Line of Uncertainty: Russia’s North Caucasian «Frontier»], in David-Fox, Michael (ed.). *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: Antologiya*. Samara: Samara University Press, 2000. Pp. 163–193. (in Russian).
- Basalaeva, Irina Petrovna. Kriterii frontira: K postanovke problemy [Criteria for the Frontier: to the Formulation of the Problem], in *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012. No. 2. Pp. 46–49. (in Russian).
- Chornovol, Igor. Frontiri Rosii [Frontiers of Russia], in *Kritika*. 2007. No. 10. Pp. 17–21. (in Ukrainian).
- Chornovol, Igor. *Komparativni frontiri: Svitoviy i vitchiznyaniy vimir [The comparative frontiers: The world and domestic dimension]*. Kyiv: Kritika Publ., 2015. 376 p. (in Ukrainian).
- Chornovol, Igor. Mezhi porubizhzhya: Pograničchya problem. (Vidpovid Vladislavovi Gribovskomu) [Borders of the borderland: The border of problems (Answer to Vladislav Gribovsky)], in *Frontiri mista: Istoriko-kul’urologichniy al’manakh*. Dnipro: Gerda Publ., 2016. Issue 5. Pp. 213–218. (in Ukrainian).

- Eidelman, Natan Yakovlevich. 17 sentyabrya 1773 g. [September 17th, 1773], in Eidelman, Natan Yakovlevich. *Iz potaennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the Secret History of Russia of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993. P. 188 (in Russian).
- Erusalimskiy, Konstantin Yuryevich. *Obrazy rossiyskogo orientalizma: (Obzor)* [Images of Russian Orientalism: (Review)]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21989/ (last visited — April, 28, 2020) (in Russian).
- Esaulova, Olga Mikhaylovna. Yuzhnoafrikanskiy frontir [South African frontier], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. 2008. Issue 2. Part II. Pp. 29–32 (in Russian).
- Duby, Georges. *Vremya soborov* [The Age of Cathedrals]. Moscow: Ladomir Publ., 2002. 378 p. (in Russian).
- Golovanova, Svetlana Aleksandrovna; Shnayder, Vladimir Gennadyevich: Kontseptsiya «frontira» v sovremennoy kavkazovedcheskoy literature [The concept of «frontier» in modern Caucasian literature literature], in *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 1: Regionovedenie: Filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2012. Issue 3. Pp. 66–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-frontira-v-sovremennoy-kavkazovedcheskoy-literature> (last visited — April, 22, 2020) (in Russian).
- Gribovskiy, Vladislav Volodimirovich (ed.). *Frontiri mista: Istoriko-kul'turologichniy al'manakh* [Frontiers of City: Historical and Culturological Almanac]. Issue 1–5. Dnipropetrovsk-Dnipro: Gerda Publ., 2012–2016.
- Gribovskiy, Vladislav Volodimirovich. Mezha mezhi. Notatki na polyakh knigi Igorya Chornovola «Komparativni frontiri: svitoviy i vitchiznyaniy vimir» (Kiev: Kritika, 2015. 376 s.) [Border's limit. Notes in the margins of Igor Chornovol's book «The comparative frontiers: the world and domestic dimension» (Kyiv: Kritika, 2015. 376 p.)], in Gribovskiy, Vladislav Volodimirovich (ed.). *Frontiri mista: Istoriko-kul'turologichniy al'manakh*. Dnipro: Gerda Publ., 2016. Issue 5. Pp. 189–212. (in Ukrainian).
- Ivetić, Egidio; Roksandić, Drago (eds). *Tolerance and Intolerance on the Triplex Confinium. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond. 1500–1800*. Padova: Cleup Publ., 2007. 364 p.
- Kappeler, Andreas. *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia as a Multinational Empire: Origin, History and Fall]. Moscow: «Traditsiya» – «Progress-Traditsiya» Publ., 2000. 342 p. (in Russian).
- Kappeler, Andreas. Yuzhniy i vostochniy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [The Southern and Eastern Frontier of Russia in the 16th–18th Centuries], in *Ab Imperio*. 2003. No. 1. Pp. 47–64. (in Russian).
- Kaser, Karl. *Slobodan seljak i vojnik (1545–1881)* [A Free Peasant and Soldier (1545–1881)]. Vol. I–II. Zagreb: Naprijed Publ., 1997. 524 p. (in Croatian).
- Korolyuk, Vladimir Dorofeevich. *Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego srednevekovya: Politicheskaya i etnicheskaya istoriya* [Slavic and Vlachs in the early Middle Ages: Political and ethnic history]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 240 p. (in Russian).
- Lattimore, Owen. *Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.
- Matveev, Oleg Vladimirovich. *Ot fronta k frontiru: Istoriko-antropologicheskie ocherki* [From front to frontier: Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi Publ., 2015. 272 p. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna. K tipologii kontaktnykh zon i zon kontaktov: Skandinavyy v Zapadnoy i Vostochnoy Evrope [To the typology of contact zones and contact zones], in Melnikova, Elena Aleksandrovna, et al. (eds). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekovye: Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony*. Moscow: Institute of World History (RAS) Press, 1999. Pp. 19–27. (in Russian).
- Nolde, Boris Emmanuilovich. *Istoriya formirovaniya Rossiyskoy imperii* [History of the formation of the Russian Empire]. St. Petersburg: «Dmitriy Bulanin» Publ., 2013. 848 p. (in Russian).
- Nolte, Khans-Genrikh. Russkie «krestyanskie voyny» kak vosstaniya okrain [Russian «peasant wars» as a revolt of the outskirts], in *Voprosy istorii*. 1994. No. 11. Pp. 31–38. (in Russian).
- Poberezhnikov, Igor Vasilyevich. Frontirnaya modernizatsiya na vostoche Rossiyskoy imperii: Regional'nye variatsii [Frontier modernization in the east of the Russian empire: Regional variations], in *Ural'skiy istoricheskii vestnik*. 2018. No. 4. Pp. 72–89. (in Russian).
- Pochekaev, Roman Yulianovich. Evolyutsiya nalogooblozheniya v Kazakhstane v XIX veke v kontekste frontirnoy modernizatsii [Evolution of Taxation in Kazakhstan of the 19th Century in the Context of Frontier Modernization], in *Pravo: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2013. No. 4. Pp. 174–190. (in Russian).
- Rieber, Alfred J. Triplex Confinium in comparative context, in Roksandić, Drago; Štefaneć, Nataša (eds). *Constructing Border Societies on the Triplex Confinium*. Budapest: CEU Publ., 2000. Pp. 13–28.

- Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša (eds). *Constructing Border Societies on the Triplex Confinium*. Budapest: CEU Publ., 2000. 288 p.
- Roksandić, Drago. *Triplex Confinium ili o granicama i regijama hrvatske povijesti. 1500–1800* [*Triplex Confinium or on Borders and Regions of Croatian History. 1500–1800*]. Zagreb: Barbat Publ., 2003. 259 p. (in Croatian).
- Scott, James C. *Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheseskaya istoriya vysokogorij Yugo-Vostochnoy Azii* [*The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*]. Moscow: «Novoe izdatel'stvo» Publ., 2017. 565 p. (in Russian).
- Severniy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii* [*North Caucasus as part of the Russian Empire*]. Moscow: New Literary Review Publ., 2007. 460 p. (in Russian).
- Sheudzhen, Emiliya Ayubovna. *Put' v istoriyu: V poiskakh metodologii issledovaniya* [*The path into the History: To investigate a research methodology*]. Maykop: ООО «Kachestvo» Publ., 2007. 268 p. (in Russian).
- Timoshenko, Albina Ivanovna. Industrial'noe stroitel'stvo v Sibiri vo vtoroy polovine XX stoletiya kak variant frontirnoy modernizatsii [Industrial construction in Siberia in the second half of the 20th century as a variant of frontier modernization], in *Modernizatsiya v usloviyakh osvoeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII–XX vv.* [*Modernization in terms of development of the eastern regions of Russia in the 18th–20th centuries*]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012. Pp. 141–148. (in Russian).
- Turner, Frederick Jackson. *Frontir v amerikanskoj istorii* [*The Frontier in American History*]. Moscow: «Ves' Mir» Publ., 2009. 304 p. (in Russian).
- Voropanov, Vitaliy Aleksandrovich. *Sud i pravosudie v provintsii Rossiyskogo gosudarstva v XVI – pervoy polovine XVIII v. (Na primere oblastey Povolzhya, Urala i Zapadnoy Sibiri)* [*Court and justice in the province of the Russian state in the 16th – first half of the 18th century (On the example of the Volga, Urals and Western Siberia regions)*]. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 192 p. (in Russian).
- Zasedateleva, Lidiya Borisovna. *Terskie kazaki. (Seredina XVI – nachalo XX v.): Istoriko-etnograficheskie ocherki* [*Terek Cossacks (mid-16th – early 20th century): Historical and ethnographic essays*]. Moscow: Moscow State University Press, 1974. 423 p. (in Russian).